

«ИНСТИНКТ ПРОГРЕССА», «ОЩУЩЕНИЕ ЭПОХИ» И УМОНАСТРОЕНИЕ ИСТОРИКА

Издавна спорят о том, что такое книжные новинки? Насколько мне помнится, у нас в отечестве спор идет со времен П.Я. Чаадаева. Для одних – это только что вышедшие, *впервые* увидевшие свет сочинения, за которыми и следует прежде всего «охотиться»; для других (Петр Яковлевич был на их стороне) – это всякая впервые открытая *тобой* книга. Думаю, что приуроченный к 150-летию отмены крепостного права в России сборник наиболее значимых работ профессора Л.Г. Захаровой*, основу которого составляют исследования, выполненные еще в советское время, в известном смысле примирит спорщиков.

Историки, сравнительно недавно пришедшие в профессию, смогут пополнить свои личные библиотеки ценными работами, ставшими библиографической редкостью, а в глазах тех, кто уже знаком с ними по первым изданиям, они и сейчас выглядят, как справедливо заметил Т. Эммонс, «на удивление свежо». Это объясняется не только «глубоко прочувствованным, личным отношением» автора «к изучаемым людям и событиям» (с. 38), о чем пишет в предисловии известный американский историк-русист, когда-то вместе с Л.Г. Захаровой начинавший свой путь в науке под руководством П.А. Зайончковского. И не только тем, что новый сборник старых работ, благодаря даже двум емким предисловиям, первое из которых принадлежит самой Ларисе Георгиевне, ряду статей, написанных уже в 1990–2000-х гг., и оформлению книги, пополнился персонажами, если и присутствовавшими в советских изданиях, то больше на заднем плане или вообще за сценой. Среди них – император Александр II, чье имя, когда-то слишком резавшее редакторский глаз, автору даже приходилось стирать резинкой со страниц своей уже готовой к публикации рукописи (с. 29), но чья судьба теперь зримо отражена на обеих сторонах книжной обложки: от строк Манифеста 19 февраля, воспроизведенных на фоне портрета молодого царя, до современной фотографии «Спаса на крови» в Петербурге; учитель – П.А. Зайончковский, в светлый образ которого только добавляет живых человеческих черт рассказ ученицы об их творческом конфликте (с благополучным концом) при выборе темы ее главного, докторского исследования; ряд других ярких фигур из ушедшего поколения исследователей – С.Б. Окунь, С.А. Макашин, Б.Г. Литвак, Д. Филд, И.Д. Ковальченко, чьи труды, советы, поддержка помогли Захаровой в отстаивании темы и успешной защите в 1983 г. докторской диссертации, годом позже вышедшей из печати: «Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861») (с. 39–350).

Если книги, как и люди, имеют свою судьбу, то впечатление удивительной свежести, возникающее сегодня, от этой, как и ряда других помещенных в сборнике старых работ, вполне объяснимо с помощью одной аналогии. Как известно из русской классики, в иные времена иные «старики» выглядят живее поколений, идущих им на смену. Эта цикличность характерна для русской истории, начиная, по крайней мере, с появления лермонтовской «Думы» (1838 г.): «К добру и злу постыдно равнодушны, // В начале поприща мы вянем без борьбы; // Перед опасностью позорно-малодушны, // И перед властью – презренные рабы».

Другим было умонастроение деятелей Великих реформ, хорошо переданное в работах Захаровой. По-своему ярко его выразил не чуждый русским делам немецкий барон А. Гакстгаузен в записке, адресованной в 1857 г. российскому императору: «Мы живем в эпоху, когда мысли и мнения не выжидают, как прежде, годов и столетий для своего полного развития... Распространяемые печатью, паром и электричеством, они подобно молнии бороздят Европу с одного конца до другого, и нет народа, нет страны, которые могли бы предохранить себя от их влияния» (с. 116). Метафору «пара и электричества» как символов перемен, молниеносно пронизывающих Старый Свет, удачно дополняет образ самой меняющейся страны, предложенный первым председателем знаменитой комиссии законотворцев по крестьянскому делу: «Все мы должны понимать, что Россия

* Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.

снята, так сказать, с пьедестала – она теперь на блоках» (с. 214). Заметна перекличка этой импровизации Я.И. Ростовцева с пушкинской оценкой преобразований Петра Великого: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль при стуке топора и при громе пушек». Оптимистичный мотив имперостроительства, носивший в зависимости от обстоятельств, то слегка тревожный, то воинственный оттенок, играл – и это постоянно подчеркивает Захарова – немалую роль в стимулировании как самих российских реформ, так, в особенности, тех, от кого зависело дать им ход.

Черпали вдохновение в примере Петра и ведущие русские историки середины XIX столетия: К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин. Накануне и в годы Великих реформ либеральная историография самоопределялась в качестве историко-научного знания, давая и свой *прогноз* социально-политического развития России, внося существенный вклад в обоснование проводимых и намечавшихся перемен. И, наоборот, в периоды ослабления или полного упадка реформаторской деятельности власти историки обращались к *прецедентам* больших преобразований, бросая тем самым вызов как «уставшим» правителям, так и всем, если воспользоваться давно сказанными словами, «неприготовленным к перемене умам» (с. 140). Эту традицию можно проследить, начиная, по меньшей мере, с публичных чтений Соловьева о Петре Великом в 1872 г. и, благодаря сохранившей ей верность школе Зайончковского, до выхода главного труда Захаровой в 1984 г. «на пике “застоя”, – как верно заметил Эммонс, – когда еще мало кто мог предвидеть скорое начало очередной “оттепели” с приходом к власти Михаила Горбачева» (с. 33).

В наши дни среди историков иная мода – не столько писать о назревших в тот или иной момент преобразованиях, сколько рассуждать о степени способности общества воспринимать разрушение традиционных институтов, о *несоответствии* его *адаптационных возможностей* темпу *модернизации*. Все это можно было бы приветствовать в плане расширения социокультурного пространства исследований, но с одной оговоркой, заимствованной у Талейрана: «не слишком усердствуйте!» К сожалению, усердие часто бьет через край, чему способствует и преобладающее *житейское* настроение значительного сегмента современного российского научно-исторического сообщества. Это настроение коротко определяется формулой: «*тоска по быломu*» и сильно влияет на профессиональную деятельность тех, кто разделяет его. Так происходит и когда речь идет о сравнительно недалеком прошлом, составляющем часть собственной жизни историка, и когда он экстраполирует нажитый опыт в гораздо более отдаленные времена. Но историк – не «археолог» (в старинном понимании термина), не просто «любитель древностей», целиком погруженный в мир прошлого (именно такое отношение к ремеслу получает, однако, распространение), а тот, кто способен почувствовать в истории, говоря по обыкновению людей XIX столетия, «преобразовательный дух», увидеть ее, как выражался А.Д. Градовский, «в органической связи прошедшего, настоящего и будущего». Нынешним «любителям старины» совершенно чужд даже тот счастливо привитый поэтом-наставником «инстинкт прогресса», который фрейлина А.Ф. Тютчева обнаруживала и в «сердце» Александра II (с. 650, 685).

Иной современный историк, независимо от предмета его занятий, по своему умонастроению ближе не к яркой плеяде своих предшественников – современников и деятелей Великих реформ, – а скорее к Н.М. Карамзину, который в период, когда главные из заведомо отвергаемых им реформ *еще только готовились*, писал, что «всякая новость в государственном порядке есть зло». Наоборот, в работах Л.Г. Захаровой история подготовки больших преобразований выступает как позитивный, а на ее финальном этапе – еще и необычайно динамичный процесс, как непосредственное преддверие того времени, когда «все пришло в движение» (с. 641), той эпохи «освободительных реформ и светлых надежд» (с. 7), которая была открыта Манифестом 19 февраля и емко охарактеризована в серии позднейших статей историка, тоже включенных в сборник.

Выясняя перспективы и взаимосвязи больших реформ в представлениях их творцов, Захарова столкнулась с познавательной проблемой, которая возникает перед исследователями разных этапов российской модернизации: по причинам политического характера «реформаторы не могли ясно и открыто заявить в законодательстве о своих конечных

целях» (с. 655). С особой силой это проявилось на стадии подготовки законопроекта об отмене крепостного права. Бои за реформу, которые вели русские «аболиционисты», — это не в последнюю очередь, как показала исследовательница и бои за слова, которыми им самим разрешалось пользоваться. Члены Редакционных комиссий отдавали себе в этом полный отчет: «Мы должны радоваться, что завоевали какое-нибудь выражение; мы теперь употребляем слово “освобождение”, которое прежде не решались выговаривать» (И.П. Арапетов); «У нас прошло уже теперь и употребляется выражение: крестьяне, выходящие из крепостной зависимости; оно взято было с бою, и мы его уже не уступим ни за что на свете» (Я.И. Ростовцев, с. 229). Если даже слово «прогресс», определявшее вектор наступившего времени, не избежало тогда цензурных гонений, то другое ключевое слово эпохи быстро претерпело разительную смысловую метаморфозу: появившийся в царских рескриптах в качестве опасливого эвфемизма крестьянской свободы термин «улучшение быта» позволил спустя год сделать решительный шаг вперед: «оправдать выкуп полевой земли крестьянами в собственность, недавно еще категорически отвергавшийся правительством» (с. 182).

Свои слова-лозунги были и у оппонентов Редакционных комиссий, и вокруг них тоже разворачивалась борьба. Если избранные в губернских комитетах и вызванные в Петербург члены этих местных законотворческих учреждений называли себя гордым именем депутатов, то для того чтобы нейтрализовать их возможные притязания «на право общего обсуждения трудов Комиссий, на политическую роль или попытки конституционных требований» (с. 265), Министерство внутренних дел добилось исключения этого слова из официального употребления. «Вы — больше ничего как ходячие справочные книги — таков был смысл инструкции, объявленной представителям дворянства 25 августа 1859 г. (с. 267). Само противостояние между дворянскими депутатами и Редакционными комиссиями характеризовалось порой наблюдательными современниками с помощью удивительно парадоксальных определений: как столкновение «либерализма бескорыстного и благоразумного, но чиновничьего», «отрешенного от жизни», «поклоняющегося петровской палке», и «либерализма озлобившихся помещиков», «более... способного к жизненному воплощению, но являющегося все же во имя личных корыстных интересов» (с. 281).

Несмотря на всю сложность предреформенной ситуации, представленную Захаровой и на уровне столкновения различных программных установок, и в плане анализа терминологии и «словесных» боев эпохи, и в аспекте отдельных человеческих «перевоплощений», например, Я.И. Ростовцева и самого Александра II, который вступил на путь реформ «не в силу убеждений, а как военный человек на троне, осознавший уроки Крымской войны» (с. 685), ее исследования доказывают, что любой «застой» рано или поздно теряет последних приверженцев среди современников, чутких к жизни, а «ретроспективные утопии», возвращающие ему видимость обаяния, создаются уже в другие времена, одно из которых мы и переживаем сейчас. Несомненная свежесть сборника работ Захаровой в новейшем контексте в том и состоит, что, восприняв от своих любимых персонажей «инстинкт прогресса», она передает его нам — современникам совершенно иной эпохи.

Особую актуальность работе Захаровой сегодня, как и четверть века назад, придает не столько даже анализ становления конкретного реформаторского замысла, сколько выявленные историком способы его воплощения в готовый законопроект, обеспечившие, в конечном счете, фантастически стремительный (можно сказать — революционный) темп работы» (с. 24). Очевидно вполне прикладное значение — и накануне Перестройки, и в наши дни — развернутой характеристики Редакционных комиссий 1859–1860 гг. как института уникального, «никогда, ни ранее, ни позже не существовавшего в России», сформированного в большинстве своем из сторонников решительных перемен, действовавшего в атмосфере относительной гласности и самостоятельно от всех традиционных государственных структур (подотчетного только носителю верховной власти), что и позволило ему достигнуть поставленной цели — начать ускоренную модернизацию России.

За истекшие четверть века, как свидетельствует серия статей, написанных Захаровой уже в постсоветское время, ее понимание истории реформы 1861 г. стало шире, глубже,

свободней, в нем появилось много новых нюансов, даже конструктивных переключек «несогласными» образца 1859–1860 гг. Например, задавая вопрос, почему все-таки главные конечные цели творцов реформы 1861 г. – «создание мелких крестьян-собственников при сохранении крупного помещичьего землевладения, основ правового государства» – не осуществились, историк, называя, разумеется, целый комплекс причин, начинает с того, о чем когда-то уже звучали тревожные голоса, не услышанные под предлогом их узко сословной корысти: «“Положение 19 февраля 1861 г.” в тот исторический момент, когда оно вводилось... расшатывало само понятие собственности». В этой фразе скорее слышен не главный герой монографии 1984 г., Н.А. Милютин, а его оппонент – П.А. Валуев. Тем более что «расшатывание» основополагающего понятия видится автору не только в сохранении общины, но и в том, что «дворяне, хотя и не обязывались, но вынуждались согласиться на выкуп крестьянских наделов, юридически являвшихся их собственностью» (с. 616). На втором месте среди причин неудачи предпринятого реформаторами «конструирования будущего» оказывается эволюция правительственной политики, нарастание в ней антилиберальных тенденций. И лишь на третьем (тоже почетном) – «тяжесть экономических условий освобождения крестьян» (с. 618). В рамках ранее данной характеристики нетрадиционного механизма проведения реформы более теплые и точные слова находятся и для дворянских губернских комитетов, где «представители разных поколений и разных общественно-политических течений» «учились обсуждать и решать государственные вопросы, учились приемам политической борьбы, учились начаткам конституционности» (с. 630). «Главная ошибка Редакционной комиссии, – писал один из быстро выдворенных из Петербурга членов дворянских комитетов А.М. Унковский, – состояла в том, что она ожидала ослабления плантаторской партии от устранения гласного обсуждения вопроса. Напротив, она отняла этим силу у сторонников реформ и у самой себя» (с. 268). В свете последовавшего роста бюрократизации общественной жизни, констатируемого историком и приводимого им в качестве одного из объяснений стратегической неудачи реформаторов, так ли уж не прав был этот тверской либеральный помещик в своем критическом отношении к принятой либеральным чиновничеством политике избирательной гласности?

Как бы то ни было, а во многом благодаря монографии Л.Г. Захаровой стало вполне очевидным, что процедурная сторона в подготовке отмены крепостного права имела до известной степени самостоятельное значение, непосредственно связывая историю крестьянского дела с проблемой реформирования государственного устройства, с первыми опытами внесения представительных начал в практику законотворчества, с возрождением конституционных стремлений в послениколаевской России.

Серия статей о Великих реформах – это еще и диалог, который ведет их автор с другими исследователями, отечественными и зарубежными. В связи с обсуждением в современной литературе проблемы прерывности или непрерывности в поступательном движении самодержавия по пути преобразований Захарова, опираясь и на собственный опыт монографического изучения истории земского положения 1890 г. (с. 353–542), формулирует задачу «дифференцированного подхода к различным этапам и “уровням” преобразовательного процесса: идеологии, лежавшей в основе намеченных преобразований, первоначальным проектам законов, принятым законам (существенно от них отличавшимся), и, наконец, характеру их реализации, проверке жизнью» (с. 678–679).

Подобно тому, как в замысле творцов крестьянской реформы она представляла собой процесс с запланированной, но в реальности недополненной концовкой, так и в творчестве Захаровой существует один незавершенный сюжет, судьба которого пока еще окончательно не решилась, но очень меня занимает. По разновременным работам, составившим новый сборник, хорошо видно, как фигура Александра II под пером историка все более отчетливо выступает в ходе реформ в качестве их весьма много значащего участника. Характерно, что и заголовок издания 2011 г. воспроизводит название монографии 1984 г., только вместо обезличенного самодержавия поставлено имя Александра II.

Тем не менее его роль «в Великих реформах в литературе раскрыта еще недостаточно», – констатирует исследовательница в одной из недавних статей (с. 651). Вместе с

тем она отмечает, что с середины 1860-х гг. император теряет «живой интерес, одухотворенное отношение к своим так решительно и смело начатым преобразованиям». И дело «не только в разочаровании, недоверии и сомнениях, вызванных трудностями реализации либеральных реформ». Дело еще и в том, что в распоряжении исследователей уже в наши дни оказалась подлинная переписка Александра II с появившейся у него именно в 1866 г. возлюбленной – княжной Екатериной Долгорукой. И стало ясно, «в какой омут чувств и страстей окунулся император» (с. 692), «насколько эта вторая, скрытая от посторонних глаз жизнь Александра II, эта безумная любовь стала для него важна». Для читателя, не листавшего их переписки, Захарова выбирает только одну деталь, легко заменяющую многостраничные комментарии: «Письма пишутся не только ежедневно, но два-три раза в день, даже когда Катя с детьми совсем рядом, в своих покоях Зимнего дворца» (с. 693).

К сожалению, у историков принято обходить стороной любовные страсти, предоставляя оценку их роли в истории непрофессионалам. Вероятно, это отчасти объясняет, почему Захарова, имея на то все основания, опубликовав серию эпистолярных комплексов, приоткрывающих завесу над внутренним миром сначала престолонаследника, а потом императора, наконец, просто питая явную симпатию к Александру II, не решилась представить полновесную книгу о жизни этого человека и самодержца. Наверное, существует и много других причин, помешавших появлению такой книги. Рискну высказать предположение, что это связано и с верностью историка научной школе, в рамках которой особое значение придавалось анализу разных направлений, этапов правительственной политики или публикации личных источников (дневников, переписки, воспоминаний), а собственно биографический жанр по условиям времени долго не мог выйти за рамки отдельных статей. Свою роль, видимо, сыграла и та умственная волна, которая поднялась в одну из российских «оттепелей» и совпала с формированием свойственного исследовательнице «восприятия жизни и истории» (с. 7).

Действительно, если вне совершившихся в стране преобразований Александр II уже совсем другой персонаж, а политика по-прежнему его занимает только в ряде традиционно-имперских, международных аспектов, то, возможно, и полное его жизнеописание требует *другого умонастроения*, отличного от того, которое водило рукой историка российского реформаторства? Но если этот историк делает вывод, что с 1866 г. император жил «в двух мирах: в мире поглотивших его чувств и страсти, и в мире повседневных государственных дел и забот, которыми он занимался уже без вдохновения, а только по обязанности» (с. 693), то, наверное, это что-нибудь да значит и для понимания судеб реформ и всей страны?

Хотелось бы верить, что лапидарная, но выразительная характеристика интимной переписки императора, возникающая на последних страницах подготовленного Л.Г. Захаровой сборника – только конспект одной из захватывающих глав ее новой, зрелой книги. Книги о том, как в душе и жизни человека, сыгравшего в русской истории немалую роль, сочетались «инстинкт прогресса» и «безумная любовь» и что из этого вышло. Такая книга, если воспользоваться словами Ларисы Георгиевны из, хотя и давнего, но ставшего для нее *программным*, отзыва на биографию одного из видных современников Александра II, была бы «в равной мере обращена и к уму, и к чувству читателя», давая «осмысление и вместе с тем *ощущение* эпохи» (с. 593).

С.С. Секиринский,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)